

Источник: Литературная учеба. - 1989. - No 3. - С. 131-135. Публикация и комментарии М. Баженова

Оригинал здесь: <http://www.akhmatova.org/articles/gippius.htm>.

Лет семь тому назад в литературных и поэтических кругах и кружках Петербурга как-то вдруг заговорили о новом и несомненном таланте - Анне Ахматовой. За разговорами пришел и успех, сначала все в тех же кружках, а потом и в публике - вообще, как известно, настолько же скупой на лавры, насколько кружки на них расточительны. И Ахматовой стали рукоплескать не потому, разумеется, что вдруг прозрели или выучились за одну ночь хорошему вкусу. Были разные причины ее успеха. О более глубоких - позже, а пока назову одну из внешних, но важных: литературная улица всегда охотно подхватывает малейший намек на "эпатацию буржуа". В первое мгновение она сама чувствует себя эпатированной, но еще минута, и она понимает, что удобнее и почетнее присоединиться к эпатирующим: ведь союз с недавними врагами всегда был и будет неперемнным условием жизни улицы во всех ее видах. Элементы эпатации в мирке Ахматовой были, но враги и друзья еще усиливали их. Например, из стихотворения о русалке выхватили начало: "мне больше ног моих не надо - пусть превратятся в рыбий хвост" - и глумясь, относили их к автору. Во главе враждебно-дружеской улицы шел старый большевик русской критики - Буренин [1].

Вечер - первая книжка Ахматовой - вышел при хороших ауспациях*. Лансере нарисовал фронтиспис, Кузмин рекомендовал молодого поэта публике в остроумном, хотя и излишне манерном предисловии. Впрочем, и без рекомендаций успех был бы обеспечен. За этот успех испугались те, кто успел уловить в молодом таланте признаки вечной поэзии. Ахматова сразу выделилась из суетливой и суетной толпы "молодых" - выделилась и благородством всего поэтического облика, и особенно - искренней настороженностью голоса и смелыми приемами стихотворного мастерства. В меткости эпитетов, в эконоомном - до скупости - расходовании поэтических средств видна была уверенная и искусно-легкая работа, невидная широким кругам "ценителей", но очевидная глазу специалиста.

Мне пришлось быть в числе тех, кто приветствовал в печати выход в свет "Вечера". В моем привете была и боязнь, что поэт, соблазнившись упоительными похвалами, забудет свою, уже явно намечающуюся "большую тему" для эффектных и хорошо ему удающихся пустячков. Опасения эти не сбылись: - "большая" лирическая тема окрепла в следующем сборнике - в "Четках" и всеми звуками изобразилась в лучшей книге Ахматовой - в "Белой стае". Словесные игрушки отошли в тень, их заслонили живые создания.

Мало-помалу и дешевый успех стал сменяться серьезным вниманием: за успехом в публике пришел успех в обществе. Настало время спросить - в чем тайна этого успеха? Потому что "общество" притязательнее "публики", хотя его требования и не те, что у специалистов. За одно художественное совершенство и оно не сделает поэта своим любимцем - ему нужно, чтобы любимец тронул какие-то его струны и какие-то его задания исполнил.

Чем же притягивают к себе стихи Ахматовой? Не силой мысли - для этого они слишком эмоциональны, не стойкостью мировоззрения - для этого они слишком жизненны и хрупки. Я вижу разгадку успеха и влияния Ахматовой (а в поэзии уже появились ее подголоски!) и вместе с тем объективное значение ее лирики в том, что эта лирика пришла на смену умершей или задремавшей форме романа.

Рядовой читатель мог недооценить звукового и ритмического богатства таких, например, строк: "и столетие мы лелеем еле слышный шорох шагов" [2]] - но не мог не плениться своеобразием этих повестей-миниатюр, где в немногих строках рассказана драма. Такие миниатюры - рассказ о сероглазой дочке и убитом короле и рассказ о прощании у ворот [3], напечатанные в первый же год литературной известности Ахматовой.

Потребность в романе - потребность, очевидно, насущная. Роман стал необходимым элементом жизни, как лучший сок, извлеченный, говоря словами Лермонтова, из каждой ее радости, и не только радости. В нем увековечивались и современные сердца с непреходящими особенностями, и круговорот идей, и неуловимый фон милого быта. Ясно, что роман помогает сознательно жить. Но роман в прежних формах, роман, как плавная и многоводная река, стал встречаться все реже, стал сменяться сперва стремительными ручейками ("новелла"), а там и мгновенными гейзерами. Примеры можно найти, пожалуй, у всех поэтов; так, особенно близок современности лермонтовский "роман" - "Ребенку", с его